

ЛЮБОВЬ АНАТОЛЬЕВНА МАКСИМОВА

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России и зарубежных стран Института истории и права, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)

lmaks@syktsu.ru

МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МИГРАНТОВ И КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОМИ В 1930–1950-е ГОДЫ

Этнодемографические процессы, имевшие место в 1930–1950-е годы на территории Европейского Северо-Востока в период интенсивного промышленного освоения этой территории лагерным методом, связаны с насильственной миграцией. Цель исследования – выявление моделей взаимодействия в бытовой, производственной, семейно-брачной и других сферах между принимающим социумом и мигрантами. Определяющим маркером отношений выступало противопоставление «свой – чужой». Элементы традиционного уклада в большей мере сохранились у заключенных, содержавшихся в сельскохозяйственных отделениях лагерей, где была большая свобода в проявлении национальных хозяйственных традиций. В исправительно-трудовых лагерях сохранились элементы образа жизни интеллигенции, для которой характерно создание произведений высокой культуры. Еще в большей степени национальному укладу следовали спецпереселенцы, которых депортировали целыми семьями, а иногда селами. Адаптация пришлого населения сопровождалась столкновением культур, которое сменялось бесконфликтным сосуществованием различных укладов жизни и взаимопомощью. Местные жители с интересом знакомятся и перенимают новые формы земледелия, используемые мигрантами (немцами, поляками), внедряют новые для региона сельскохозяйственные культуры. Мигранты используют опыт выживания местных жителей в условиях северной тайги. Происходит взаимопроникновение культурных укладов жизни. Спецпереселенцы овладели коми языком, иногда могли на нем не только разговаривать, но и писать. Коренное население оказывало продовольственную помощь мигрантам, завязывались тесные контакты на бытовой почве. Возникает торговый обмен, примитивный бартер. Особенно тесно общались дети. Пропадало недоверие. Появлялись совместные браки, несмотря на преследование партийными и комсомольскими органами. В ряде случаев местные жители укрывали беглых заключенных. Особенности контактов, обусловленные ситуацией неволи мигрантов, национальными, профессиональными и иными факторами, отразились на историческом развитии региона.

Ключевые слова: миграция, колонизация, этнодемографические процессы, спецпереселенцы, заключенные, исправительно-трудовые лагеря, модели взаимоотношений, традиционная культура, уклад жизни

Превращение Коми в результате насильственной миграции в многонациональную республику способствовало появлению проблемы взаимоотношений между мигрантами и коренным населением. Можно выделить несколько моделей взаимоотношений местного населения, спецпереселенцев и заключенных, которые сформировались в 1930–1950-е годы на территории Республики Коми.

Спецпереселенцы и заключенные, прибывшие в Коми край, оказались в непростом положении: суровый северный климат, тяжелые работы, голод, нехватка жилья, как следствие – высокий уровень заболеваний и смертности. Как тем, так и другим первоначально пришлось столкнуться с враждебным отношением к себе со стороны местного населения.

Официальная пропаганда представляла их как врагов народа, преступников, изменников Родины. Соответствующим было и отношение к ним коренного населения. Столкновение культур, жизненных укладов пришлого и местного

населения на первоначальном этапе наблюдалось повсеместно. Это выражалось в обоюдном недоверии, злобных насмешках со стороны коренных жителей, праздном любопытстве в отношении организации жизни пришлых. Порой дело доходило до драк, когда уважение к своему этносу со стороны окружающих (например, спецпереселенцам-немцам) приходилось доказывать кулаками. Явление такого противостояния между местным и пришлым населением дало основание некоторым исследователям сделать вывод о формировании «разделенного общества» на территории коми. Так, Ю. П. Шабаетов утверждает о культурном дистанцировании двух социальных групп: местного населения и мигрантов – спецпереселенцев и заключенных [6; 42–43]. Исследователь подчеркивает, что коми, ставшие в результате насильственной миграции меньшинством в республике, чувствовали потенциальную угрозу своему благополучию со стороны заключенных и спецпереселенцев. За контакты с репрессированными, особенно с немцами, на местных жи-

телей возлагались административные санкции. К тому же, постоянно недоедавшие спецпереселенцы воровали картофель и другие овощи с огородов аборигенов. Эти факторы способствовали формированию своеобразного социального барьера между жителями ГУЛАГа и местным населением [6; 42].

Представляется, что данный вывод является справедливым только для характеристики первой фазы взаимоотношений между коренными жителями и обитателями лагерей и спецпоселков. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и работу местных жителей в рядах вооруженной охраны лагерей. Но абсолютизировать такое утверждение и распространять его на длительный период существования спецпереселенцев и заключенных в крае (до середины 1950-х годов) представляется необоснованным.

Хотя определяющим маркером отношений выступало противопоставление «свой – чужой», даже на первоначальном этапе взаимоотношений, отличающемся повышенным уровнем конфликтности, у местного населения не возникало мигрантофобий и этнофобий.

Неблагоприятные внешние условия, в которых оказались мигранты, не ликвидировали традиционный уклад жизни, особенно у спецпереселенцев, которых депортировали целыми семьями, а иногда селами.

Уклад жизни заключенных диктовался лагерными инструкциями. Мы можем говорить о заключенных лишь как об отдельных носителях определенной этнической либо региональной культуры, которая шире проявилась после освобождения из лагеря. Большинство бывших заключенных по советским законам не имело права менять место жительства (таким образом государство закрепляло кадры на севере). В большей мере о сохранении элементов традиционного уклада жизни мы можем говорить, лишь имея в виду заключенных, содержавшихся в сельскохозяйственных отделениях лагерей, где была большая свобода в проявлении национальных хозяйственных традиций.

Вместе с тем в лагерях содержалась научная, художественная, техническая и другая интеллигенция. Представители ее, несмотря на занятость на тяжелых лагерных работах, занимались творчеством и в условиях неволи. Это был сформировавшийся образ жизни, и элементы его сохранились в лагере, где создавались произведения высокой культуры.

Обитатели лагерей и спецпоселков должны были участвовать в реализации экономических программ государства. В ходе своей производственной деятельности, в быту они неизбежно сталкивались с местным населением. Чтобы выжить и наладить хозяйство в сложных климатических условиях, приходилось подстраиваться под чужой быт, перенимать опыт местного на-

селения. Шел интенсивный процесс адаптации, который был небезболезненным. Что касается местных жителей, то они, видя нужду и бедствие переселенцев, постепенно проникались к ним сочувствием и старались облегчить их участь. Становилось ясно, что под ярлыками «враги народа», «кулачье» скрываются такие же простые люди, в большинстве своем честные и трудолюбивые. Контакты между пришлым и местным населением становятся более регулярными и доброжелательными, а их уклады жизни мирно сосуществуют.

Спецпереселенцы-немцы, отличающиеся консерватизмом и верностью традициям в быту, любовью к порядку и рачительности, вызывали уважение у местного населения. Начиная устраивать жизнь на спецпереселении, немцы делали это на основе традиционных принципов. Это выражалось в соблюдении немецких национальных праздников, сохранении элементов национального фольклора, употреблении, по возможности, немецкого языка. Воспоминания людей, живших бок о бок с репрессированными немцами, рисуют образы предприимчивых хозяев. Местные жители с интересом знакомятся с новыми формами земледелия, используемыми немцами, с внедрением новых для региона сельскохозяйственных культур, например помидоров. В одном из поселков немцы посадили яблоневый сад, разводили пчел, установили паровую мельницу. Многие из их опыта перенимается местным населением. Происходит взаимопроникновение культурных укладов жизни. Многие из спецпереселенцев овладели коми языком, могли на нем не только разговаривать, но и писать. В свою очередь коми изучали другие языки, например немецкий. Многие коми жители стали называть своих детей именами немцев, которые жили с ними рядом. До сих пор в коми деревнях встречаются Фридрихи, Вальтеры, Марты, Августы, Эрнесты и т. д. Взаимопроникновение культур ярко прослеживается в системе питания: наряду с национальными на столе спецпоселенцев и русские, и коми блюда. Особенно в тех семьях, где заведовавшей хозяйством была жена из местной среды [1; 41].

Схожие процессы происходили с переселенными поляками. Массовые высылки поляков в Коми имели место в феврале, апреле и июне 1940 года и июне 1941-го [5; 73, 74]. Переселение поляков было третьей крупной волной спецпереселения в Коми (первые две в 1930 и 1931–1932 годах). Казалось бы, власти могли приобрести опыт и с наименьшими потерями обустроить спецпереселенцев польской национальности на территории республики. Но, видимо, суровая предвоенная ситуация, а потом и начавшаяся война обусловили транспортные, социально-бытовые, производственные трудности польского спецпереселения в Коми. Между тем население,

уже имевшее представление о высланных, редко демонстрировало свою настороженность к спецпереселенцам 1940-х годов. Авторы многих мемуаров свидетельствуют о помощи со стороны местных жителей. Н. П. Лаэтина вспоминает о своем отце, работавшем мастером леса у поляков, занятых на лесозаготовках около п. Занулье: «Весной 1940 года семья поляков по фамилии Глумка, жившая недалеко от нас, совсем изголодалась. Ко мне ходила играть маленькая девочка Стася, мама подкармливала ее. В семье у них было 7 или 8 детей. Старший сын тоже работал в лесу. Отец Чарков П. А. ведал и продовольствием для лесозаготовителей. Видя, что они на грани голодной смерти – он выдал им в мае продовольственный паек за июнь. Но кто-то донес на него. К отцу тут же приехала ревизия, обнаружила у него нарушения, и его осудили на заключение, которое он отбывал в ИТК в Чове. Поляки очень переживали из-за этого, а потом, когда уезжали в Польшу – подарили маме какие-то свои вещи, которые не могли увезти, в знак благодарности за доброе дело, которое сделал для них отец»¹.

По возможности коренное население подкармливало голодных поселенцев, разрешало пользоваться баней. Завязывались тесные контакты на бытовой почве. Особенно часто и тесно общались дети. Пропадало недоверие. Молодежь сходилась на совместные гулянки, где парни-поляки демонстрировали свое умение игры на гармошке и других музыкальных инструментах. Встречались и совместные браки. Девушки – и немки, и польки, как правило, выходили замуж за мужчин своей национальности, но случалось, что молодые люди брали в жены местных жительниц. Среди немцев это стало частым явлением в 1950-е годы, несмотря на то что такие браки преследовались комсомольскими и партийными организациями.

Таким образом, выявленные в ходе исследования взаимоотношения между заключенными и местным населением можно разделить на несколько видов: культурные (театральная деятельность, медицина, народное образование, научная деятельность), трудовые (производственные, а также сотрудничество театральных работников, медицинских работников, научных работников) и бытовые, включая те, которые заключаются в помощи местного населения.

Среди бытовых контактов следует выделить торговый обмен между заключенными и вольными людьми из местного населения. Этот обмен происходил обычно на «пятачке» у зоны², в то время когда заключенные работали без конвоира или совершали прогулки. Следует отметить, что посредством такого обмена элементы «городской культуры» проникали в сельскую среду. Конечно, в целом этот обмен не играл большой роли в ознакомлении с культурами других народов.

Между тем существовал и другой вид обмена. Интересно, что заключенные делали для местных на заказ мебель, домашнюю деревянную

утварь, хотя такая информация официально не отражалась в документах. В обмен жители передавали заключенным продукты домашнего хозяйства: молоко, простоквашу, картофель, лук, пироги, хлеб и пр. Самое парадоксальное, что такая торговля велась через охранников, шоферов, привозивших продукты для «зоновской» кухни. Велась она нелегально, и занимались этим в основном охранники – бывшие заключенные³.

В ряде случаев местные жители укрывали беглых заключенных. При этом можно проследить динамику в зависимости от времени, когда это происходило. В начале 1930-х годов жители боялись беглецов, которые, по слухам, совершали нападения и ограбления. Напуганные слухами об их коварстве, «деревенские жители с опаской углублялись в лес, боялись оставлять на пожнях косы, котелки, чайники и другие вещи, с вечера закрывали дома на прочные засовы»⁴. Более того, «активисты сельского совета, вооруженные охотничьими ружьями, устраивали ночные засады, а иногда ловили измученных скитаниями и голодом истощенных беглецов, получая за это вознаграждение»⁵. Власти, чтобы поощрить население охотиться на беглецов, распространяли слухи о якобы совершаемых ими грабежах и убийствах, а бывало, и инсценировали их. «Ловля беглых сделалась для колхозников видом отхожего промысла – премии за “голову” были установлены выше, чем за волков»⁶. Следует подчеркнуть, что при этом деформировались традиционная мораль и мировосприятие коми народа, ведь до этого «не убивать в тайге “живое” без надобности» было непреложным жизненным правилом для северных жителей [4; 316].

В то же время в 1938–1939 годах официальная документация сообщает об укрывательстве заключенных местными жителями: «...антисоветский элемент, а иногда по неосознанности и отдельные колхозники способствуют бегству заключенных из лагерей:

- а) указывают пути, удобные для бегства;
- б) закупают краденые вещи и тем самым предоставляют материальную возможность к бегству;
- в) дают приют на ночлег»⁷.

Однако здесь трудно сказать, какого рода причины побуждали местное население оказывать такого рода помощь. Возможно, между ними существовали какие-нибудь родственные связи, возможно, местные жители помогали заключенным из корысти либо жалости и сочувствия к их судьбе. Остается только догадываться о мотивах помощи, так как упоминания о таких случаях как в документах, так и в воспоминаниях единичны. Тем не менее налицо помощь заключенным со стороны местного населения, хотя и следует отметить, что такой вид взаимоотношений является довольно специфичным в условиях лагерной действительности.

Мерой для борьбы с этим явлением была избрана разъяснительная работа среди местных жителей, так как «применение репрессий к трудящимся колхозникам в существовавших условиях было нецелесообразно». Информация за последующие годы отсутствует, отчасти из-за того, что многие документы до сих пор нам недоступны, а отчасти из-за того, что такая информация не всегда отражалась в документах и воспоминаниях, однако ее можно получить из косвенных данных. Так, «в 1941 году из лагерей, расположенных на территории Коми АССР, бежало 2500 заключенных, из которых 465 не были задержаны. По далеко не полным данным, только за два месяца 1942 года бежало и не разыскано 103 человека»⁸. Учитывая, что в суровых условиях тайги мог выжить далеко не каждый неместный человек, а тем более заключенный, можно предположить, что часть этих беглецов могла заблудиться в тайге и погибнуть, а части с помощью местных жителей удалось бежать.

В то же время существовали контакты между заключенными из местного населения и заключенными других регионов страны. Заключенные из местных жителей, родившиеся в суровых условиях севера, обладали необходимыми знаниями и опытом, который мог помочь бороться с трудностями, возникавшими в природных условиях края, а также справляться с непривычной для большинства заключенных работой. Так, Л. М. Городин в своих воспоминаниях рассказывает о том, как «местный абориген-коми» обучал их, неместных заключенных, «сплаву леса, сплотке»⁹. Л. С. Сафронов, рассказывая об этапировании в Ухтпечлаг, не упускает случая

поблагодарить «зеков из местного населения, которые знали, как надо делать из веток более надежные шалаши... и это нас спасало»¹⁰. Другой коми заключенный «знал все законы лесной жизни, в устройстве шалаша, быта... мы ему подчинялись, хотя он был младшим по возрасту»¹¹. Таким образом, можно сказать, что данная помощь была довольно существенной и способствовала элементарному выживанию в условиях северной тайги.

Следует отметить, что модели взаимодействия между принимающим социумом и пришлым населением и сферы соприкосновения основывались на инициативе как коренного, так и пришлого населения. В. И. Коротаев отмечает факт отсутствия специально разработанных программ адаптации мигрантов к экстремальным для них условиям проживания на севере. Кроме того, — замечает исследователь, — не было разработано программы и для эффективного диалога между мигрантами и коренным этносом [2; 113].

Таким образом, всеобщая колонизация, введенная за счет массовой принудительной миграции репрессированного населения, обусловила основные особенности во взаимоотношениях между коренным и пришлым населением как в теоретической, так и в практической плоскости. Население края продемонстрировало довольно высокий потенциал толерантности по отношению к иноэтничным мигрантам [3; 250]. Ранее было принято считать, что этнические различия в процессе модернизации стираются. Сегодня мы наблюдаем обратные процессы — возрастающий этнический плюрализм. Это очевидное явление в современной жизни многонациональной Республики Коми.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лаэтина Н. П. Воспоминания 2001 года. (Из архива автора.)
- ² Петкевич Т. В. Жизнь — сапожок непарный. Воспоминания. СПб.: Астра-люкс: Атоксо, 1993. С. 260.
- ³ Лещенко-Сухомлина Т. И. Долгое будущее. Дневник-воспоминания. М.: Сов. писатель, 1991. С. 247.
- ⁴ Самсонов В. А. Жизнь продолжится: Записки лагерного леккома. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 175.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Волков В. Погружение во тьму. Воспоминания. М.: Вагриус, 2000. С. 252.
- ⁷ Национальный архив Республики Коми. Архивохранилище 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 458. Л. 32.
- ⁸ Полещиков В. М. За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1995. С. 98.
- ⁹ Городин Л. М. Рассказы, воспоминания (1962—1977 гг.) // Национальный архив Республики Коми. Архивохранилище 2. Ф. 3800. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.
- ¹⁰ Сафронов Л. С. Дорога во мраке без надежды на просвет // Национальный архив Республики Коми. Архивохранилище 2. Ф. 3800. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.
- ¹¹ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жеребцова И. И. Репрессированная культура: феномен российских немцев // Страницы истории политических репрессий в Коми АССР (30–50-е гг. XX в.): Сборник. Сыктывкар, 2003. С. 36–42.
2. Коротаев В. И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века. Архангельск: ПГУ, 2004. 133 с.
3. Максимова Л. А. Влияние насильственной миграции 1930–1950-х годов на местное население Республики Коми // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Материалы международной научной конференции (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.): Сб. ст. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 2000. С. 316–319.
4. Максимова Л. А. Этнокультурные процессы в контексте экономической модернизации на Европейском Северо-Востоке в 1930–2000 годы // Российская история. 2009. № 3. С. 247–251.

5. Рогачев М. Б. Эшелоны идут на север // Покаяние. Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 5. Сыктывкар: Коми респ. благотв. общ. фонд жертв политических репрессий «Покаяние», 2002. С. 73–94.
6. Шабает Ю. П. Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского общества // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 39–54.

Maksimova L. A., Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

RELATIONSHIP MODELS OF MIGRANTS AND INDIGENOUS POPULATION IN KOMI REPUBLIC IN 1930s–1950s

It was forced migration that determined the essence of ethno-demographic processes, which took place in the European North-East in the period of intensive industrial development in the 1930s–1950s. The purpose of the study is to reveal the patterns of everyday, industrial, family, and other types of interactions between the local population and migrants. The contraposition “us-them” was a defining marker of these relations. The elements of traditional life style were largely preserved by the prisoners who did their time in agricultural camp divisions with a greater extent of freedom allowing development of ethical economic traditions. Besides, labor camps gave more freedom to intellectuals, and they created valuable pieces of high art. Special settlers, deported families and even villages, to a much greater degree adhered to their ancestral forms of life. At first, adaptation of settlers was associated with cultural clashes, though later it was followed by mutual aid and peaceful coexistence of different lifestyles. Local citizens adopted new forms of agriculture, used by migrants (Germans, Poles), and established new cultivars in the region. Migrants, in their turn, used the locals’ experience of surviving in the climate of northern boreal forests. Special settlers became familiar with the Komi language; sometimes they used it not only in the oral, but also in the written speech. Indigenous citizens provided settlers with food, thus it lead to the development of close everyday contacts and barter. Children were the ones who had especially strong ties among each other. Mistrust disappeared. Despite political repression, native people and migrants contracted marriages. Sometimes local citizens concealed fugitives. Peculiarities of the contacts, conditioned by migrants’ captivity, national, professional, and other factors significantly impacted the historical evolution of the region.

Key words: migration, colonization, ethnic and demographic processes, special immigrants, prisoners, prison camps, relationship model, traditional culture and lifestyle pattern

REFERENCES

1. Zherebtsova I. I. Repressed Culture: Phenomenon of Russian Germans [Repressirovannaya kul'tura: fenomen rossiyskikh nemtsev]. *Stranitsy istorii politicheskikh repressiy v Komi ASSR (30–50-e gg. XX v.): Sbornik* [Pages of Political Repressions History in Komi ASSR (30–50s of XX century): Collection of papers]. Syktyvkar, 2003. P. 36–42.
2. Korotaev V. I. *Na poroge demograficheskoy katastrofy: prinuditel'naya kolonizatsiya i demograficheskiy krizis v Severnom krae v 30-e gody XX veka* [On the threshold of a demographic catastrophe: forced colonization and demographic crisis in the Northern region in the 30s of XX century]. Arkhangelsk, Pomorski State University Publ., 2004. P. 133.
3. Maksimova L. A. The Impact of Forced Migration of 1930–1950s to the Local Population of Komi Republic [Vliyaniye nasil'stvennoy migratsii 1930–1950 godov na mestnoe naselenie Respubliki Komi]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Korennye etnosy Severa Evropeyskoy chasti Rossii na poroge novogo tysyacheletiya: istoria, sovremennost', perspektivy”* [Materials of International Scientific Conference “Indigenous Ethnic Groups of the North of the European Part of Russia are on the Threshold of the New Millennium: History, Present and Prospects”]. Syktyvkar, Publishing Office of the Komi Scientific Center of the Uralic Branch of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 316–319.
4. Maksimova L. A. Ethnocultural Processes in the Context of Economic Modernization in the European Northeast in 1930–2000 [Etnokul'turnye protsessy v kontekste ekonomicheskoy modernizatsii na Evropeyskom Severo-Vostoke v 1930–2000 gody]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. 2009. № 3. P. 247–251.
5. Rogachev M. B. Echelons go North [Eshelony idut na sever]. *Pokayanie. Komi Respublikanskiy martirolog zhertv massovykh politicheskikh repressiy. Tom 5* [Repentance. Komi Republican Martyrology of Victims of Mass Political Repressions, book 5]. Syktyvkar, Komi Republican Charitable Public Fund of Victims of Mass Political Repressions “Repentance”, 2002. P. 73–94.
6. Shabaev Yu. P. Komi Republic: the changing faces of the migrant society [Respublika Komi: menyayushchiesya liki migrantskogo obshchestva]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2007. № 5. P. 39–54.

Поступила в редакцию 12.02.2015